

Желаю об'яснить поражения германской армии, газета "Данцигер форпостен" пишет: "Русские нас подавляют превосходством техники и живой силы. Россия - страна с чересчур большим народонаселением и с небывало мощной промышленностью". Германия пытается прикинуться казанской сиротой. Читая статью в "Данцигер форпостен", можно подумать, что перед нами маленький народ, что немцы - это пастухи, вооруженные вилами. Но ведь Германия обладает первоклассной индустрией. Заводы Рейха, Франции, Бельгии, Чехословакии, Голландии снабжают германскую армию хорошими вооружением. Еще недавно немцы были на Волге. От Советского Союза были оторваны Украина с Донбассом, Белоруссия, Северный Кавказ, ряд русских областей. Народонаселение Советского Союза тогда не превосходило народонаселения Германии и ее вассалов. Немцы везли к себе свыше десяти миллионов иностранных рабов. Нет, немцам не приходится ссылаться на арифметику. Мы бьем врага не потому, что у нас больше заводов и людей, но потому, что наш народ духовно выше и полноценнее немецкого.

Идея превосходства той или иной расы мне кажется самым вздорным из всех пред-рассудков. В жизни каждого народа были светлые и темные страницы. Меняются люди. Бургундская лоза, привезенная в Кахетию и в Калифорнию, дает вино разного вкуса и разного аромата. Среди немецкой военщины немало потомков гугенотов. Меняются и народы. Немцы эпохи Гитлера мало походят на немцев эпохи Гёте. Говоря о превосходстве нашего народа, я думаю не о генеалогии, не о смутных тенях прошлого, но о действительности. На поле боя были проверены духовные качества солдата рейхсвера и бойца Красной Армии.

Немцы долго и тщательно готовились к этой войне. Я говорю не только о конструкторах или генералах, я говорю о моральной подготовке народа, о культе войны, царившем в Германии. Можно без натяжки сказать, что уже восемьдесят лет, как Германия видит в оружии высшее достижение общества. Именно эта моральная подготовка немцев к войне является причиной их моральной уязвимости. Культ силы при первой неудаче рождает слабость.

Не к войне готовился наш народ. Это не значит, что мы беспечно относились к

военным приготовлениям фашизма. Промышленность Урала и Сибири, которая позволила нам остановить немцев, не была создана в несколько недель или в несколько месяцев. Красная Армия родилась не в июне 1941 года. Мы не оказались застигнутыми врасплох. Не будь на свете фашизма, мы жили бы лучше и до войны: делали бы детские коляски вместо танков и наструли вместо орудий. Наше правительство предвидело поход Гитлера на восток. Но наши юноши не мечтали о войне. Они жили идеями, которые слепцы могут назвать глупыми: идеями человеческой солидарности, мирного труда, прогресса. Если вспомнить беседы в рабочих клубах или на студенческих вечеринках, встанет лицо человека, увлеченного наукой или вдохновленного любовью, далекое от мыслей о крови. Теперь, когда Красная Армия показала свою силу, когда весь мир говорит о Советском Союзе, как о самой мощной военной державе, мы можем сказать, что глубокое миролюбие, высокие идеалы помогли нашему народу выдержать страшное испытание. Мы выстояли, потому что не верили в торжество грубой силы. Даже когда враг был возле конечной остановки московских автобусов, мы знали, что мы выше и значит сильнее его. Наши бойцы тех трудных дней, когда приходилось идти с "бутылкой" на танк, знали силу врага, и они знали его ничтожество. Нас поддерживало глубокое презрение к фашизму и к его носителям. Против нас была армия, и только армия. А мы были сражающимся народом.

Немцы любят говорить о "дейтум", о некоей "немецине", об единстве людей, в жилах которых течет немецкая кровь. Действительно, немцы показали в своих походах сплоченность, организацию, дисциплину. Это - автоматизм поступков, круговая порука огромного воровского сообщества. В Германии сейчас не увидать народа. В ней есть солдаты, отцы солдат, дети солдат, жены солдат. В ней есть фельдфебели и фельдмаршалы. В ней есть поставщики оружия и пушечное мясо. Но в ней не видно народа, живого и многоликого, как море, с его сложной жизнью, с его неисчерпаемыми душевными богатствами. Что такое солдат Фриц Мюллер? Сын фельдфебеля и внук ефрейтора. До войны он работал приказчиком в "Кадеве" - это было побывкой. Он знал с детских лет, что будет завоевывать мир. Он изучал историю, как справочник предстоящих побед. Он изучал географию, как изучает посетитель ресторана карточку кушаний. Он понимал, что мирное время - это только подготовка к войне.

У него был один идеал: немецкий флаг на Монблане, на Андах, на Арарате, на Гималаях. Зачем там должен развиваться немецкий флаг, об этом он не думал. С тех лет, когда дитя начинает по законам природы думать, такого Фрица Мюллера отучали от мышления. Его отлучали от мыслей, как от груди матери. Его голову заполняли техническими познаниями и узаконенными предрассудками. Его душу строгали, стригли, обтачивали. Это была душа установленного образца, мелкая ду- / шонка грабителя и мучителя.

В нашей стране много народов. Мы знаем кровь четырех групп: это дело медицин- ны. Мы не знаем крови расы. Но у нас есть народ. В июне 1941 года наши бойцы на вокзалах и на станциях прощались с близкими. В тумане терялись милые лица, родные города. Поезда неслись на запад, но каждому бойцу казалось, что он прибли- жается к покинутому очагу, к семье, к оставленному саду, инструменту, книге.

Говоря с бойцами и офицерами, на груди которых ленточки орденов и другие лен- точки - ранений, видишь прежде всего обстрелянных воинов. Они одолели военную науку. Они показали себя одаренными в сложном военном искусстве. Это - скром- ные и гордые люди. Они горды не тем, что родились для походов. Они горды тем, что, будучи учителями, инженерами, землепашцами, сталеварами, музыкантами, они от- стояли отечество и высшие человеческие ценности от невиданного в истории поку- шения. Они стали солдатами в том простейшем и высшем значении слова, которое звучит, когда мы говорим "солдатский хлеб" или "солдатская дружба". Они преис- полнены той внутренней радостью, которую можно назвать торжеством человека. Они стали воинами, но не вояками: побеждая на войне, они не влюбились в войну. Они рвутся в Берлин, потому что думают о Киеве, о Саратове или о Барнауле - они хо- тят строить чудесные города и нянчить счастливых детей.

Во всех странах теперь люди много говорят о послевоенной жизни. Американский журналист Рекс Норт пишет о том страхе, который охватывает человека, когда он думает о завтрашней Европе с разрушенными городами и душевно опустошенными народами. Я думаю, что этот журналист ошибается: опустошены не народы, но только те люди, которые променяли свое духовное первородство на чечевичную похлебку,

но слов нет, трудно будет народам, пережившим четыре года рабства, вернуться к свободе. Трудно будет и другим народам, которые не узнали подлинного самопожертвования: тот, кто хочет все сохранить, теряет все. С надеждой мы смотрим на наше будущее. Мы знаем все трудности, все разорения, все могилы. Но мы видим, как наша страна окрепла, выросла, возмужала.

Я знаю пограничников, которые стояли на Пруте 22 июня 1941 года и теперь вернулись на прежнее место. Три года они воевали. Счастливая звезда спасла их от пуль и мин. Это те же люди, но это другие люди. Мы слишком заняты теперь борьбой, чтобы призадуматься. Философу, моралисту, писателю нужно время. Но мы чувствуем, до чего изменился наш народ. Он ничего не предал, ни отступился, но он сказочно вырос, так растут только в сказках, и чтобы увидеть этот рост, лучше всего заглянуть в хаты Молдавии или в палатки Белоруссии, где по вечерам ведутся долгие душевные беседы о прошлом и о будущем. Ведь учитель знает, что он вернется в школу, инженер мечтает о любимой работе и землепашцу снится его земля.

Наша армия - это строители нашего будущего, здесь залог счастья. Человек, который не жалеет своей крови для родины, для народа, для близких, не остановится ни перед какими жертвами. Выросло ощущение личной ответственности, роли каждого и роли государства. Настоящий коллектив состоит из индивидуумов, а не из арифметических единиц. На войне не только каждый командир, - каждый боец понял, до чего он важен и ценен. От его смелости, знаний, находчивости, стойкости зависит исход боя, судьба России. На войне никто себя не боится и не перестраховывает. На войне люди жертвуют собой. Вернувшись к мирному труду, наши воины - победители еще выше подымут и значение общества, и значение отдельного человека.

За три года окрепло чувство братства, дружбы. Тем сильна наша армия, что себялюбия и злобе противника она противопоставила солидарность, теплоту и густоту человеческой любви. Кто расскажет о любви друг к другу пехотинцев одного взвода, артиллеристов одной батареи? Орден на груди одного вызывает в других не зависть, а радость. Узнав из писем, что в тылу сохранились, как мамринты, отдель-

ные эгоистичные и равнодушные чиновники, которые проявляют недостаточно участия к семье павшего героя или к инвалиду, воины не только негодуют, они изумляются, как будто увидели темный пережиток далекого прошлого. В дело строительства нового и высшего общества они внесут больше человеческой теплоты: они хорошо знают, что успех самого прекрасного замысла зависит от чуткости, доброты и совестливости каждого.

Иностранцы публицисты часто отмечают рост аморальности в воюющих странах. Я уж не говорю о Германии, которая превратилась в содом и гоморру. В нашем молодом обществе мораль была порой скорее чувствуемой, нежели писанной. Наши педагоги не поспевали за ходом истории. На войне люди не только думают о морали, они ее создают. Учитель, который три года провоевал, сможет теперь с новой уверенностью сказать детишкам о добродетели и пороке, о благородстве и низости. Издавна известно, что война - не школа морали, но нарререкор всем историческим правилам в нашей стране окрепла мораль. Я ничего не хочу прикрашивать. Я знаю, что есть в нашем тылу воры и спекулянты, есть и женщины, променявшие красоту верности на сомнительные побрякушки, но это отщепенцы, уроды, отдельные случаи. Важно не то, что они имеются, а то, что они встречают глубокое осуждение. В битвах проверяются законы морали, они украсят нашу жизнь после победы.

Преступление всегда заметнее добродетели. Мы замечаем одну легкомысленную женщину, которая променяла мужа-воина на другого. Мы замечаем тучность и румянец еще недавно худого ^и бледного заведующего столовой. Мы замечаем чиновника жилотдела, который выселяет семью фронтовика. Но посмотрим на тысячи других женщин, на тысячи других работников, и мы увидим, что люди выла тоже приподнялись: их возвышают жертвенность и величье фронта. Преступление страшно, когда оно становится массовым, когда его перестают замечать, а у нас оно бросается в глаза. Мы не только морально выстояли, мы морально выросли. Когда писатели покажут человека 1944-го года, мир поймет, почему наша армия вышла на Прут.

Не нужно обижаться на искусство. Плавная река отображает деревья и башни. Горный поток - не зеркало. У нас очень бурное время. Наши писатели показывают отдельные эпизоды, а читатель ждет выводов, обобщений. Ему придется подождать:

за семимильными шагами времени не может угнаться мыслитель. Он может осознать прошлое, он может разглядеть контуры будущего, он не может в зрелости наблюдений, в зените мысли показать нашего современника - он еще не выносил этого образа.

Прошлая жизнь каждому воину кажется счастьем. Забыты невзгоды, тяжесть, обиды. Он вспоминает труд, любовь, дыхание ребенка и вечер в сиреневом саду. Но если

спросить его: "О чем ты мечтаешь? О твоей прежней жизни?", он ответит: "Нет, о завтрашней, лучшей". В этом - наша сила. Другие народы хотят восстанавливать.

Мы хотим идти дальше. Мы построим города прекраснее прежних. Мы будем отважнее, чище и добрее, может быть, строже, но добрее. Дети, за счастье которых мы воюем, будут думать о довоенном времени без зависти. Герои Сталинграда и Днепра, вернувшись домой из побежденного Берлина, вторично изумят мир величием своей души.

Илья ЭРЕНБУРГ.

"Правда" 29 Мая 1944 г.